

КАВКАЗЪ,

ТИФЛИССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

1856

ПОДПИСКА ПРИИМАЕТСЯ.
Въ Тифлиси: въ Редакціи, находящейся при Типографіи, что на Александровской площади; а также въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С.-Петербурѣ: въ Конторѣ газеты «Кавказъ», при книжномъ магазинѣ поч. гражд. В. П. Печаткина, и въ Газетной Экспедиціи. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи московскаго почтамта. Въ губерніяхъ: въ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.
За газету «Кавказъ» безъ казенныхъ прибавленій 4 р. Съ казенными прибавленіями 12 р. 50 к. За одинъ вывозимый прибаленіи 5 р. Съ частныхъ объявленій, печатаемыхъ въ газетѣ, взимается по 1/2 коп. серебромъ съ буквы.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ 1-го октября текущаго года открылась подписка на газету «Кавказъ» и Закавказскій Вѣстникъ издаванъ будущаго 1857 года. Желающіе подписаться благоволятъ адресовать свои требованія въ г. Тифлисъ, на имя Редакціи, *зблаговременно*, во избѣжаніе медленности при удовлетвореніи поздно-поступающихъ требованій. Подписываться можно также и въ мѣстахъ, означаемыхъ въ заголовкѣ каждаго № газеты. Условія подписки остаются прежнія, а именно: *годовая цѣна*, — съ пересылкою и доставкою на домъ: за газету «Кавказъ» (отдѣльно отъ Вѣстника или еженедѣльныхъ казенныхъ прибавленій) 9 руб. сереб., за одинъ Вѣстникъ (безъ газеты «Кавказъ») 5 руб.; за обѣ газеты вмѣстѣ 12 руб. 50 коп. *Полугодовая цѣна*: за газету «Кавказъ» (безъ казенныхъ прибавленій) 5 руб., за одинъ прибавленіи 3 руб., за газету «Кавказъ» съ Вѣстникомъ 6 руб. 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ.

Внутренніи извѣстія. Высочайшій Рескриптъ. — Высочайшіе указы по военному вѣдомству отъ 1—3-го октября и о чинахъ гражданскихъ 13 сентября. — Приказъ по 2-й арміи. Празднованіе въ Парижѣ 26 августа. С.-петербургъ. Москва. **Кавказская лѣтопись.** Тифлисская современность. **Иностранныи извѣстія.** Англія. Франція. Германия. Турція. *Новыи извѣстія.* **Литературный отдѣлъ.** Тифлисскій Театръ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Высочайшій Рескриптъ.

данный на имя 1-на Генералъ-Адъютанта Лидерса.

Александръ Николаевичъ! Привявъ во вниманіе представленную вами Мнѣ необходимость воспользоваться нынѣ же леченіемъ отъ усилившейся болѣзни, кою вы съ давнихъ лѣтъ одержимы, Я изъявилъ согласіе на увольненіе васъ на-годъ за границу, съ сохраненіемъ получаемаго вами содержанія. — Вмѣстѣ съ симъ, удовлетворяя другому вашему желанію, Я уволилъ васъ приказомъ, сего числа отданнымъ, отъ должности главнокомандующаго 2-ю армію, съ оставленіемъ въ званіи Моего Генералъ-Адъютанта. — Цѣля вашу полезную службу, Я надѣюсь, что, если обстоятельства укажутъ Мнѣ надобность вызвать васъ на службу и ранѣе помянутаго срока, то вы явитесь на оную, съ тѣмъ же усердіемъ и готовностію, которыми постоянно отличалось ваше военное поприще. — Препываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ. На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написалъ:

АЛЕКСАНДРЪ.

Москва, 8-го сентября 1856 года.

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

по отдѣльному кавказскому корпусу и войскамъ къ нему прикомандированнымъ.

Октября 4-го дня 1856 года. Назначаются. По Кавалеріи. Лейбъ-Гвардіи Уланскаго полка Корнетъ *князь Грузинскій* — въ должность Адъютанта къ Главнокомандующему Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютанту Князю Барятинскому. По Пѣхотѣ. Лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка Штабсъ-Капитанъ *Ершовъ*. Пѣхотныхъ полковъ, Штабсъ-Капитаны: Виленскаго, *Нефедьевъ*. Бѣлевскаго, *Морковниковъ*, — всѣ трое постоянными Членами Комиссіи Военнаго Суда при Тифлискомъ Ордонансъ-гаузѣ, съ зачисленіемъ по Армейской Пѣхотѣ. Увольняется въ отпускъ. Лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка Капитанъ *Менделеевъ* — въ С.-петербургъ, для излеченія болѣзни, отъ ранъ и контузій происходящей, на 4 мѣсяца.

Октября 2-го дня. Производятся: за отличіе въ сраженіяхъ въ минувшую войну въ 1855 году. По Кавалеріи. Конно-Мусульманскаго № 2-го полка, состоящій по Армейской Кавалеріи Корнетъ *Алишкаръ-Бекъ-Шахъ-Мамадовъ-Усейвъ-Олы*, въ Подпоручики, съ оставленіемъ по Армейской Кавалеріи и въ томъ же полку. 1-го Хоперскаго Казачьяго полка Войсковой Старшина *Казбекъ 2-й*, въ Подполковники. За отличіе въ дѣлахъ противъ *Горцевъ*. Донскаго Казачьяго № 12-го полка Войсковой Старшина *Калмыковъ 2-й*, въ Подполковники, со старшинствомъ съ 21-го декабря 1854 года.

Октября 3-го дня. Производятся на вакансіи. По Пѣхотѣ. Пѣхотныхъ полковъ: Брестскаго, изъ Капитановъ въ Маіоры: *Микулишинъ* и 8-го запаснаго баталіона *Сохацкій*, — оба въ Бѣлостокскій Пѣхотный полкъ. Бѣлостокскаго, изъ Капитановъ въ Маіоры: *Богуславскій* и *Бахмацкій*, — оба въ Брестскій Пѣхотный полкъ. Литовскаго, изъ Подпоручиковъ въ Поручики *Евлашевъ*. Виленскаго: изъ Капитановъ въ Маіоры: Старшій Адъю-

тантъ Штаба 5-го Армейскаго Корпуса *Усовъ*, съ зачисленіемъ по Армейской Пѣхотѣ и съ оставленіемъ въ настоящей должности, *Мазинъ*, баталіоновъ: 6-го резервнаго, *Скоробогачъ* и 8-го запаснаго, *Островскій*, — всѣ трое въ Брестскій Пѣхотный полкъ. Изъ Подпоручиковъ въ Поручики: *Стефановскій-Швейс*, *Богдановъ*, *Дьяченко* и 6-го резервнаго баталіона *Сайковскій*. Переводится. Бывшій Кизлярскій Городничій, состоящій по Армейской Пѣхотѣ Маіоръ *Назимко* — въ Апшеронскій Пѣхотный полкъ.

Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ по гражданскому вѣдомству сентября 13-го дня 1856 года, производится за выслугу лѣтъ: изъ *губернскихъ* въ *коллежскіе секретари*: Грузинно-Имеретинской Святѣйшаго Правительствующаго Синода Конторы: столоначальникъ *Петровъ*, со старшинствомъ съ 6-го іюня 1856 года. Изъ *коллежскихъ регистраторовъ* въ *губернскіе секретари*: переводчикъ *Читадзе*, со старшинствомъ съ 29 мая 1856 года.

Приказъ по 2-й Арміи.

Главная квартира г. Харьковъ. Сентября 27-го дня, 1856 г.

Государь Императоръ, снисходя къ всеподданнѣйшей просьбѣ моей, Высочайшимъ приказомъ въ 8-й день сентября, благосозволилъ уволить меня отъ командованія 2-ю армію, съ дозволеніемъ ѣхать за границу на-годъ, для излеченія болѣзни, кою одержимъ я съ давняго времени. — Войска 2-й арміи! Болѣе 50-ти лѣтъ я провелъ въ рядахъ храбрыхъ Русскихъ войскъ. Между ними, на ратномъ полѣ, я выросъ и состарился. По этому, каждый изъ васъ легко пойметъ, какъ грустно и тяжело мнѣ расстаться съ вами. Покоряясь волѣ Всевышняго, ниспославшаго мнѣ тяжелый крестъ болѣзни, утѣшаю себя надеждою и увѣренностію, что вы останетесь всегда храбрыми и достойными носить доблестное имя Русскихъ воиновъ. Благодарю всѣхъ васъ, отъ генерала до солдата включительно, за вашу безпримѣрную службу въ прошедшую войну. Ее оцѣнилъ уже Всемилоостивѣйшій Государь нашъ и безъ сомнѣній оцѣнитъ и отдѣленное потомство. Отъѣзжая нынѣ изъ 2-й арміи и прощаясь съ войсками оной, не могу не обратиться особенно къ 5-му армейскому корпусу. Въ теченіи 17-ти-лѣтняго командованія моего симъ корпусомъ, я сроднился съ нимъ, и годы эти считаю лучшими въ моей жизни. Войска сего корпуса въ дѣлахъ на Кавказѣ, въ Трансильваніи, на берегахъ Дуная и во время безпримѣрной защиты Севастополя, умѣли занять почетное мѣсто въ рядахъ Русскаго войска и были храбрыми изъ храбрыхъ. Примите же искреннюю, душевную благодарность мою, близкіе сердцу соратники! Да благословитъ васъ Богъ на усердную и полезную службу Царю и Россіи.

Подписалъ: Главнокомандующій Генералъ-Адъютантъ *Лидерсъ*. (Од. В.)

Празднованіе Русскими въ Парижѣ 26-го августа 1856 г.

Въ день Коронованія Ихъ Величествъ, русское населеніе Парижа горячо поманилось за счастье Нововѣнчаныхъ и дорогое отечество. Такъ 26-го, съ 10 часовъ утра, въ улицѣ Neuve de Beugy, гдѣ находится наша скромная посольская церковь, не было пробѣда отъ множества блестящихъ экипажей и огромнѣйшей толпы народа, собравшагося посмотреть на наши мундиры и туалеты русскихъ дамъ. Въ самой церкви едва могли помѣститься всѣ желающіе. Изъ числа 200 человекъ, здѣсь бывшихъ, назовемъ: посланника нашего, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника барона Бруннова, со всѣми чинами посольства, генералъ-адъютанта барона Жюмини, сенатора кн. Лобанова-Ростовскаго, статсъ-секретаря барона Модеста Андреевича Корфа, тайнаго совѣтника Обрѣзкова, ректора С.-петербургскаго Университета, тайнаго совѣтника Плетнева, генералъ-майора Ратова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Татаринова, камергеры: князь Кудашевъ и Головинъ; изъ дамъ присутствовали: княгиня Ливенъ, графиня Шувалова, княгиня Бутера, баронесса Корфъ, графиня Рейнваль, княгиня Суццо и княжна Львова. По окончаніи обѣдни протоіерей парижской посольской церкви, о. Васильевъ, обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами: «Благочестивые Христіане! Въ то время, какъ мы здѣсь, въ этомъ маломъ храмѣ, поставленномъ на землѣ чужой, — если только есть чужая земля для храма Божія, ибо *Господня земля и исполненіе ея* (Ис. XXIII, ст. 1), — въ то время, какъ мы здѣсь возносимъ молитвы Богу, восхваляемъ Его величіе и добываемъ Его смиреніе, въ нашемъ отечествѣ совершается великое событіе. Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій Государь нашъ Императоръ Александръ Николаевичъ приметъ и возлагаетъ на себя Царственный вѣнецъ Богоизбранныхъ Предковъ Своихъ, священное чело Его запечатлѣвается таинственнымъ муромъ, и Помазанникъ Божій царственно входитъ во Святаго Святыхъ и приобщается тѣлу и крови Господней. Все тамъ полно величія, ослѣнено благодатію, проникнуто радостію, обильно подаями: и этотъ священный обычай, преемственно сохраняемый отъ древнихъ вѣщеносцевъ Израіля и выражающій непреложнаго слова Божія: *Мною Царіе царствуютъ* (Притч. VIII, 15); и этотъ вѣнецъ, сіющій славою и тяжкій трудами; и это помазаніе,

невидимо укрѣпляющее силы Помазанника; и первопрестольный градъ, облеченный красотою и трепещущій отъ ликованій и молитвъ; и соборъ іерарховъ православныхъ, служителей и посредниковъ величія; и миллионы вѣрныхъ сыновъ Россіи, подобно сынамъ Сіона, молитвенно радующихся о Царѣ своемъ; и всѣ царства земныя, присущія торжеству въ лицѣ своихъ представителей! — А намъ, братіе, выпалъ иной жребій — быть окруженными обычною суетою, столь несогласною съ настроеніемъ нашей души, стоять внѣ черты этого свѣтлаго круга, удаленнаго отъ насъ разстояніемъ многихъ царствъ. Но что и говорю? Развѣ для духа есть пространство, для сердца — раздѣленіе, для молитвы — преграды? Развѣ вѣра и вѣрность не растутъ и не укрѣпляются при вѣншемъ удаленіи отъ своего предмета? Развѣ этотъ храмъ не есть малый уголокъ Россіи? Такъ, братіе, и мы, движимые долгомъ и отъ избытка сердца, вознесемъ вознесенья и благодаренія Царю царей, облекающему нынѣ Благочестивѣйшаго Вѣнченосца нашего славою и веледѣіемъ; изольемъ прошенія изъ глубины души, да подастъ Верховный Правитель міра Благочестивѣйшему Императору Нашему Александру Николаевичу силу и премудрость къ долговременному прохожденію, какъ выражается св. Церковь, сего великаго служенія Богу. А въ сихъ молитвахъ вѣрности и благочестія почерпнемъ и для самихъ насъ готовность и силы къ исполненію благихъ намѣреній Самодержца нашего. Исполняя обязанности, каждый въ своемъ кругу, по мѣрѣ силъ и разумія, и мы сплетемъ нашему возлюблѣннѣйшему Монарху вѣнецъ радости и славы!»

Такъ отпразднованъ былъ въ Парижѣ день 26-го августа. (Р. П.)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ. Торжественный въѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ былъ назначенъ въ часъ пополудни, 2 октября, а съ девяти часовъ утра петербургскія улицы кипѣли народомъ, спѣшившимъ заблаговременно занять мѣста по Загородному проспекту, по Владимірской и на Невскомъ, по которымъ должно было направляться шествіе. Путевой дворъ Царскосельской желѣзной дороги убранъ былъ внутри коврами и цвѣтами; паперть церкви Введенія, обращенная къ путевому двору, на которой духовенство ждало прибытія Государя Императора, была также убрана цвѣтами. Наблюдательный постъ, нами выбранный, какъ нельзя болѣе былъ удобенъ: передъ нами проѣхали всѣ лица, назначенныя для участія въ шествіи, всѣ тѣ золотые экипажи великолѣпныя которыхъ еще недавно дивились въ Москвѣ иностранцы; мы, можно сказать, дважды видѣли шествіе: сперва по частямъ, потомъ въ цѣломъ. Но вотъ раздался далекій свистъ, локомотива, передъ путевымъ дворомъ все оживилось: завѣяли бѣлые султаны, подвели царскаго коня, приблизились золотые экипажи, назначенные для царствующей Государыни Императрицы, для Великихъ Княгинь и придворныхъ дамъ. «Смирно!» раздалось по рядамъ выстроившихъ шпалерами войскъ; радостный ропотъ пронесся по необозримой толпѣ нескончаемымъ эхомъ. Вотъ и выстрѣлъ съ Семеновскаго плаца, другой, третій, вотъ загудѣли колокола... «Ѣдетъ, Ѣдетъ Государь!» снова пронеслось по толпѣ. Блестящій строй латниковъ, облитыхъ золотомъ и яркими солнечными лучами, подѣвзжалъ уже къ балкону, тысячеустное «ура!» радостно потрясло воздухъ и громовыми раскатами катилось внизъ по улицѣ... Вотъ и Онъ, нашъ Боговѣнчанный Царь, вотъ Его кроткій и привѣтливый обликъ... Гордо выступаетъ сѣрый конь подъ величественнымъ всадникомъ, привѣтливо кланяется Государь грѣмѣщей и ликующей толпѣ... По правую руку Державнаго Отца Ѣдетъ, на бойкомъ и лихомъ конѣ, Наслѣдникъ Престола, въ казацкомъ мундирѣ, съ Августѣйшимъ Братомъ Своимъ Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ... За ними Великіе Князья Константинъ и Николай Николаевичи... Далѣе слѣдовала на коняхъ блистательная свита... Тихо мѣндало это шествіе съ своимъ Царственнымъ Вожатымъ, встрѣчаемымъ радостными криками народа... «Ура!» не умолкало ни на минуту; но вотъ оно загремѣло съ новою силою, какъ будто тысячи голосовъ прибавились къ этому исполнкому хору: приблизилась золотая карета, въ которой ѣхала Государыня Императрица, съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ... За Нею слѣдовала, въ золотой же каретѣ, Великая Княгиня Александра Гусионовна, потомъ еще нѣсколько золотыхъ каретъ съ придворными дамами; строй Гусаръ полка Его Величества, строй жандармовъ, закрывавшихъ шествіе, потомъ необозримая, тысячеглавая толпа. — Три дня сряду праздновалъ Петербургъ свою радость и самое петербургское небо было за одно съ нимъ: съ утра до вечера ярко блистало солнце, во всю ночь свѣтила на безоблачномъ небѣ луна. Но блѣдная луна казалась еще блѣднѣе отъ потока разноцвѣтныхъ огней, разнѣвавшихся, съ наступленіемъ сумерекъ, по петербургскимъ улицамъ. Во вторникъ, въ среду и въ четвергъ повторилось иллюминація, бывшая 26-го, 27-го и 30-го августа; но къ огненнымъ декораціямъ, украшавшимъ улицы, прибавилось множество другихъ.

Москва. 9-го октября, въ 5 часовъ утра, изволилъ прибыть изъ Кіева въ здѣшнюю столицу Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Николаевичъ и сего числа, въ первомъ часу пополудни, изволилъ выехать въ С.-петербургъ. (Моск. В.)

КАВКАЗСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Тифлисъ. Бывшій Намѣстникъ Кавказскій, г. генералъ-адъютантъ Муравьевъ, ходатайствовалъ объ утвержденіи сдѣланнаго генералъ-лейтенантомъ княземъ Бебутовымъ, во время командованія имъ Дѣйствующимъ Корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ, назначенія разнымъ лицамъ, поименованнымъ въ прилагаемомъ при семъ спискѣ, за оказанныя ими заслуги, золотыхъ и серебряныхъ медалей. Государь Императоръ, по положенію Кавказскаго Комитета, въ 26-й день августа сего года, Высочайше соизволилъ утвердить это назначеніе.

Списокъ лицамъ, коимъ назначены генералъ-лейтенантомъ княземъ Бебутовымъ, во время командованія имъ Дѣйствующимъ на кавказско-турецкой границѣ отрядомъ, золотыя и серебряныя медали.

Серебряная, съ надписью: «за усердіе», для пошеи на шею, на Аннинской лентѣ: 1. Житель села Хоспія, Ахалцхскаго уѣзда, Сальманъ Кули-оглы, за особыя заслуги, оказанныя имъ во время послѣдней войны съ Турками. *Золотыя, съ надписью: «за усердіе», для пошеи въ петлицу на Аннинской лентѣ:* Нахичеванскаго уѣзда Даралагезскаго участка жители деревень: Яйджи: 2. Гассанъ-Али-Султанъ-Гусейинъ-Али Султанъ-оглы. 3. Форзали-Султанъ-Гусейинъ-Али Султанъ-оглы. Карванакъ: 4. Старшина Хоназаклинскаго кочеваго общества Амиръ-Калбалай Форзали-оглы.—*Серебряныя, съ надписью: «за усердіе», для пошеи въ петлицу на Аннинской лентѣ:* Буль-Буль-Аланъ: 5. Старшина Джеваглинскаго кочеваго общества Рза-Кули-Бекъ-Асадъ Бекъ-оглы. Арgezъ: 6. Джабаръ Ахметъ-оглы. Всѣ пять за особенное усердіе, оказанное при разбѣганіи, лѣтомъ 1854 года, образовавшейся въ Даралагезскомъ участкѣ разбойничьей шайки.

— 23-е октября останется надолго памятнымъ Грузинскому Дворянству и должно занять одно изъ почетныхъ мѣстъ въ нашей городской хроникѣ. Уважаемый всѣми, тифлисскаго губернскаго предводителя дворянства, генералъ-майоръ князь И. О. Джамбакурианъ-Орбеліани 2-й, возвратившійся на-дняхъ изъ Москвы, послѣ священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы, въ этотъ день приглашилъ къ себѣ все высшее дворянство, находящееся въ Тифлисѣ, и пріѣхавшихъ сюда изъ уѣздовъ предводителей дворянства, чтобы выразить имъ чувства, которыми онъ проникнутъ, какъ свидѣтель совершившагося въ первопрестольной столицѣ великаго событія, и передать милостивыя слова Государя Императора, которыми осчастливлено Грузинское Дворянство. Понятно послѣ этого, съ какимъ радостнымъ нетерпѣніемъ и одушевленіемъ спѣшилъ каждый изъ сочленовъ благороднаго сословія къ почтенному его предводителю. Когда собрались всѣ приглашенные князья и дворяне, его сіятельство губернскаго предводителя объявилъ, что удостоенный ими высокой чести быть представителемъ дворянства при священномъ коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, онъ имѣлъ счастье быть милостиво принятымъ и обласканнымъ Августѣйшимъ Государемъ и съ чувствомъ вѣрноподданническаго благоговѣнія выслушать изъ устъ Его Величества благодарность грузинскимъ князьямъ и дворянамъ за ихъ усердіе, за готовность не щадить ничего для службы и за ихъ храбрость, которою они всегда и вездѣ отличались; что Его Величество вполне убѣжденъ въ вѣрности и непоколебимости грузинскаго народа,—и что онъ, г. предводитель, считаетъ священнымъ долгомъ передать дворянству такой истинно-отеческаго отзывъ Монарха. По выслушаніи этихъ незабвенныхъ словъ, общій восторгъ и радость воодушевили всѣхъ присутствовавшихъ; въ этихъ милостивыхъ словахъ обожаемаго Государя все предстоявшее благородное сословіе видѣло новый залогъ своего счастья и благоденствія, которыми наслаждается Грузія съ тѣхъ поръ, какъ она вступила въ семейство великаго народа, подъ защиту могущественныхъ Вѣнценосцевъ Россіи.—Трудно передать глубокое впечатлѣніе и торжественность, выразившіяся въ настоящія минуты: казалось, всѣ чувства соединились въ одну мысль, въ одинъ отголосокъ вѣрно-подданнической признательности

за привѣтъ Царя-отца. «Тебѣ, великій Государь, Твоему священному престолу принадлежать и жизнь и все наше достоинствіе!» слышалось со всѣхъ сторонъ; общество оживилось, и веселая бесѣда потекла въ кругу образованныхъ князей и дворянъ, когда князь Джамбакурианъ-Орбеліани, въ лицѣ присутствовавшихъ, благодарилъ всѣхъ грузинскихъ князей и дворянъ за оказанныя ему Монаршія милости, которыми онъ възсканулъ въ ознаменованіе благоволенія и отеческой любви Его Величества къ грузинскому дворянству. Затѣмъ гости приглашены были къ закускѣ, приготовленной радушіемъ почтеннаго хозяина. За столомъ провозглашены тосты за здравіе Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Престола и всей Августѣйшей Фамиліи. Потомъ послѣдовали тосты за ожидаемаго Намѣстника, Князя А. И. Барятинскаго, и въ честь Грузинскаго Дворянства, а въ заключеніе единодушно предложено гостю за здравіе самого хозяина кн. И. О. Джамбакурианъ-Орбеліани.—Оканчивая этимъ настоящее торжество, дворянство предположило вслѣдъ за симъ заняться приготовленіемъ къ встрѣчѣ Князя Александра Ивановича, котораго съ радостію ожидаютъ всѣ сословія здѣшняго края.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія. (Nord.) По извѣстію, сообщаемому однимъ изъ корреспондентовъ газеты Morning-Post, король неаполитанскій получилъ изъ Парижа и Лондона увѣреніе, что предположенная морская демонстрація не будетъ приведена въ дѣйствіе. Тотъ же корреспондентъ присовокупляетъ, что конгрессъ, который соберется въ Парижѣ для обсужденія вопросовъ, относящихся къ устройству дунайскихъ княжествъ, займется, вѣроятно, и дѣлами Неаполя и Греціи. Неаполитанское правительство пришлетъ отъ себя въ Парижъ двухъ представителей, которые будутъ уполномочены на окончательное соглашеніе съ Англіею и Франціею касательно ихъ требованій. Императоръ Французскій, по словамъ корреспондента, кажется расположеннымъ въ пользу такого рѣшенія спора; остается знать, будетъ-ли согласна на то Англія.

— (Nord.) Въ той же газетѣ пишутъ изъ Парижа: «По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Неаполя, король Фердинандъ сдѣлалъ новыя приготовленія къ оборонѣ, въ ожиданіи появленія въ неаполитанскомъ заливѣ эскадры западныхъ державъ. Неаполь, въ случаѣ прибытія этой эскадры, будетъ объявленъ въ осадномъ положеніи, и швейцарскія войска, въ числѣ 6,000 человекъ, размѣстятся по разнымъ кварталамъ. Король удалится въ Гаэту, гдѣ собрано 20,000 человекъ неаполитанскаго войска и куда прибыло пять пароходовъ. Впрочемъ, и на все это должно смотрѣть, какъ только на мѣры предосторожности, потому что король извѣщенъ изъ Парижа и Лондона, по телеграфу, объ оставленіи западными державами проекта морской демонстраціи. Это извѣстіе послано въ Неаполь 4-го октября.»

— (Nord.) Въ Morning-Post напечатана статья о наследованіи греческаго престола. Въ ней напоминаютъ объ уложеніи 1843 года, требующемъ, чтобы преемникъ короля Оттона исповѣдывалъ православную вѣру, уложеніи, которое подтверждено въ 1849 году. Такъ какъ принцъ Адалбертъ, наследникъ греческаго престола, не соглашается принять на себя это обязательство, то между державами идутъ въ настоящее время переговоры, касающіеся къ измѣненію греческаго уложенія. Австрія и Пруссія объявляютъ себя въ пользу этого измѣненія, и, вѣроятно, императоръ Наполеонъ раздѣляетъ ихъ образъ мыслей; но если бы спросили греческаго народъ, онъ отвѣчалъ-бы, конечно, какъ и 1843 году, что ему нуженъ государь, который исповѣдывалъ-бы его вѣру. Всякому извѣстно, какъ твердо держатся на Востокѣ постановленія своей вѣры, и потому вопросъ о наследованіи греческаго престола кажется намъ весьма затруднительнымъ. Во всякомъ случаѣ должно надѣяться, что онъ не будетъ рѣшенъ безъ согласія греческаго народа.

— (Ind. V.) Последнія извѣстія изъ Бомбея, отъ 12-го сентября, подтверждаютъ прежнее извѣстіе о томъ, что Англичане въ Остъ-Индіи усиленно готовятъ экспедицію въ Персидскій Заливъ.

— (J. de St.-P.) Лондонскій корреспондентъ газеты Presse пишетъ, между прочимъ: «Имя Вильяма Вордсворта подаетъ мнѣ поводъ перейти къ странному литературному процессу, направленному противъ великаго Вильяма, противъ Шекспира. Дѣло идетъ о томъ, чтобы отнять у него

геній, всѣ драматическія произведенія, и безъ того уже богатаго, знаменитаго автора Instauratio magna, Essais и пр., канцлера Бекона. Г. Генри Смитъ обратился къ президенту Шекспировскаго Общества съ вопросомъ: не Беконъ ли былъ авторомъ драматическихъ произведеній, обыкновенно приписываемыхъ Шекспиру? Г. Генри Смитъ заранѣе отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одинъ американскій писатель поднималъ тотъ же вопросъ, не подтвердивъ своихъ сомнѣній никакими положительными доказательствами. Сомнительно, чтобы г. Смитъ былъ счастливѣе его. Во-первыхъ, говоритъ онъ, Шекспиръ, часто упоминающій о своихъ небольшихъ поэмкахъ и сонетахъ, вовсе не упоминаетъ о своихъ драмахъ; неужели же онъ ставилъ *Дукрецію*, *Венеру* и *Адониса* выше *Гамлета* или *Отелло*? Въ піесахъ его встрѣчаются политическія намеки на важныя лица, намеки, которые должны быть приписаны автору, стоявшему выше молодого поэта на общественной лѣстницѣ, и вопросамъ юридическіе, съ которыми онъ не могъ ознакомиться по недостаточности воспитанія.—Сцены на морѣ и итальянскіе сюжеты весьма многочисленны въ драмахъ Шекспира, который не зналъ ни моря, ни Италіи, ибо никогда не выѣзжалъ изъ Страффорда и Лондона. Шекспиръ, какъ режиссеръ театра, на которомъ игрались драмы, дошедшія до насъ подъ его именемъ, помогая автору своею многолѣтнею опытностію; онъ только ставилъ на сцену, примѣняя къ ея условіямъ эти безсмертныя творенія. Отстранивъ Шекспира, г. Смитъ доказываетъ, что никто кромѣ Бекона не могъ произвести подобныя творенія. Даже строгое сохраненіе всеобщаго доказываетъ, что подъ нимъ скрывалось важное лице, и неужели Беконъ, говорящій въ своей перепискѣ и своихъ Апофегахъ о всѣхъ замѣчательныхъ лицахъ того времени, умолчалъ-бы о Шекспирѣ, потому что не могъ оцѣнить *Короля Лира* и *Макбета*?—Всѣ эти доводы мало убѣдительны; лучше всего, пока не найдено будетъ болѣе сильныхъ доказательствъ, остается при общемъ убѣжденіи. Попытка отнять у Шекспира его славу напоминаетъ намъ архіепископа Уогли, доказывавшаго, что Наполеонъ мѣвъ.—Если г. Смитъ осмѣлился напасть на давно умершаго поэта и возбудить негодованіе шекспировскаго общества, то не менѣе смѣлая редакция газеты Morning-Chronicle открываетъ своимъ читателямъ жалкое состояніе гриничской обсерваторіи, инструменты которой стары, испорчены, неточны и могутъ удовлетворить только площадныхъ астрономовъ. Профессоръ Эри пришелъ въ негодованіе: сказать, что гриничская обсерваторія не лучшая въ мірѣ, по его мнѣнію,—предательство и, вѣроятно, газета Morning-Chronicle подкуплена врагами Англіи. Нападеніе было тѣмъ чувствительнѣе, что въ Албаніи (въ штатѣ Нью-Йоркѣ) сооружена обсерваторія по добровольной подпискѣ. При открытіи ея присутствовали всѣ сѣверо-американскія ученые знаменитости, и г. Эвереттъ произнесъ рѣчь.—Слѣдующій фактъ можетъ служить доказательствомъ, до какой степени развито въ Сѣверной Америкѣ уваженіе къ наукѣ: хотя собрано было 1,500,000 фр., по недоставало еще 100,000 дол.; г-жа Доллей, богатая и образованная женщина, пожертвовавшая значительную сумму, узнавъ объ этомъ, предложила внести 50,000 дол. (250,000 фр.). Въ память этого пожертвованія обсерваторія будетъ названа ея именемъ. Въ Америкѣ случай этотъ не рѣдкость: многія учебныя заведенія учреждены и поддерживаются частными людьми. Въ нью-йоркскомъ штатѣ, при населеніи менѣе чѣмъ въ 3,000,000 душъ, существуетъ 200 академій и 25,000 школъ, и у каждого изъ этихъ учрежденій есть своя бібліотека».

Франція. (Ind. V.) Въ Constitutionnel опровергаютъ сообщенное въ Morning-Post извѣстіе о занятіи Галаца Австріяцами. Журналъ этотъ сообщаетъ, что Галацъ занятъ Турками, которые займутъ также Измаиль и Рени, оставленные Русскими. Носится слухъ, что Австріяцы и Турки заняли Галацъ въ одно и то же время: такимъ образомъ оба журнала равно правы.

— (Nord.) Упорство, съ которымъ Австрія старается продлить пребываніе своихъ войскъ въ дунайскихъ княжествахъ, и произвольное расширеніе ею, въ согласіи съ портою, объема занятія этихъ княжествъ, напомнили, наконецъ, западной Европѣ, что условія договора 30-го марта выполнены всѣми державами, за исключеніемъ

Австрии. Две парижскія газеты, *Paus* и *Patrie*, занимались въ последнее время обсужденіемъ этого вопроса. *Patrie* показываетъ, что образъ дѣйствій Австріи относительно дунайскихъ княжествъ есть явное и неизвинительное нарушение договора; *Paus*, неограничиваясь этимъ, объявляетъ, что такой образъ дѣйствій можетъ повести къ весьма серьезнымъ неприятностямъ, ибо Франція и Англія твердо рѣшились не допускать Австріи до присвоенія одной себѣ роли, принадлежащей державамъ, которыми подписанъ парижскій договоръ. Последнія извѣстія, полученныя съ береговъ Дуная, вполне оправдываютъ эту протестацію французскихъ журналовъ: Турки и Австріицы поступаютъ въ дунайскихъ княжествахъ почти также, какъ въ завоеванной странѣ; они заняли поодинамъ Галацъ, и Турки, кромѣ того, поставили гарнизонъ въ другія пограничныя мѣста Молдавіи въ залогъ, въпрямую, своего уваженія къ единственному праву княжествъ, котораго они не оспаривали, къ праву охранять себя самимъ въ мирное время.»

— (Pr. St.-Anz.) Мехмедъ-Али-паша, одинъ изъ министровъ султана, прибылъ въ Парижъ. Полагаютъ, что прїѣздъ его въ связи съ переговорами о дунайскихъ княжествахъ.

— (Ind. V.) Кромѣ неаполитанскихъ и восточныхъ дѣлъ конференціи займутся, вѣроятно, и нештатскимъ вопросомъ. Аугсбургская Газета упоминаетъ о собственноручномъ письмѣ короля прусскаго къ императору австрійскому, императору Наполеону и англійской королевѣ, съ просьбою о ихъ посредничествѣ въ этомъ дѣлѣ.

Германія. (N. Pr. Z.) По извѣстіямъ изъ Дрездена, генералъ Тотлебенъ, знаменитый защитникъ Севастополя, прибылъ туда, съ семействомъ, изъ Берлина и въ скоромъ времени отправится въ Вѣну. Князь де-Линъ, бельгійскій посолъ при коронаваніи Императора Александра, тоже прибылъ въ Дрезденъ. Ожидаютъ также князя Павла Эстергази.

Турція. (Nord.) Въ *Morning-Post* сообщено слѣдующее письмо съ устьевъ Дуная, отъ 29-го сентября: «Мы были поражены, какъ громомъ, извѣстіемъ, что 4,000 человекъ австрійскаго войска внезапно заняли Галацъ, какъ уже занятъ ими Браиловъ, и овладѣли всеми дунайскими гаванями. Константинопольскій Журналъ говоритъ только о занятіи Браилова; но нѣтъ сомнѣнія, что и другое извѣстіе справедливо. Сэръ Генри Болверу не остается теперь ничего, какъ возвратиться въ Лондонъ, потому что Австріицы, занявъ помянутые города, забрали себѣ въ руки не только полицейское, но и почтовое управленіе. Вы можете лучше меня обсудить причины этого шага; но мнѣ кажется, что Австрія не могла дать западнымъ державамъ болѣе яснаго отвѣта на демонстрацію ихъ противъ Неаполя. Должно сознаться, что мы играемъ на Востокѣ довольно странную роль. Мы вывели отсюда всѣ войска свои, полагая, что и Австрія поступитъ точно такъ же; вмѣсто того, она продолжаетъ занимать княжества и овладѣваетъ гаванями, лежащими при устьѣ Дуная. Очевидно, что цѣль такого образа дѣйствій — замедлить преобразование княжествъ.»

— (Allg. Z.) Французскій консулъ въ Скутари имѣлъ въ Цетинѣ свиданіе съ черногорскимъ княземъ. Западные державы предлагаютъ, какъ слышно, князю подчинить свою страну ленному владѣтельству порты безъ обязательствъ платежа дани, въ замѣнъ чего Черногорія была бы обращена въ герцогство подъ управленіемъ династіи Петровичей. Князь лично расположенъ въ пользу этихъ предложеній, но сенатъ, съ которымъ онъ совѣтовался, отвергъ ихъ съ живѣйшимъ негодованіемъ. Это чувство раздѣляетъ, впрочемъ, и черногорскій народъ, такъ храбро, нѣсколько вѣковъ сряду, защищавшій свою независимость.

— (Ind. V.) Въ Марсель прибылъ пароходъ *Clude* съ извѣстіями изъ Константинополя, доходящими до 2-го октября. Портъ сообщено о предстоящемъ прибытіи французской эскадры. — Въ министерствѣ турецкомъ произошли многочисленныя несогласія; обѣщанныя реформы нисколько не приводятся въ исполненіе. Въ *Presse d'Orient* увѣряютъ, что конференціи относительно устройства дунайскихъ княжествъ отложены на два мѣсяца. — Французскій посланникъ въ Персіи, г. Бурэ, долженъ возвратиться изъ Тегерана прежде прибытія персидскаго посланника, ѣдущаго въ Парижъ.

— (N. Pr. Z.) Въ *Journal de Constantinople* объя-

вляютъ слухъ, объ ожидаемомъ будто-бы возвращеніи англійской и французской эскадры въ Черное Море, совершенно ложнымъ. — Омеръ паша отправленъ съ военнымъ порученіемъ въ Албанію и Герцеговину.

— (Pr. St.-Anz.) Изъ Багдада сообщаютъ отъ 15-го сентября, что сэръ Моррей находится въ этомъ городѣ и ожидаетъ предписанія отправиться въ Тегеравъ. — Г. Бурэ возвращается во Францію.

Новѣйшія извѣстія.

Парижъ, октября 13-го. Здѣсь снова ходятъ тревожные слухи о томъ, будто неаполитанскія дѣла принимаютъ грозный оборотъ. На малой биржѣ говорили даже, что баронъ Бренье отозванъ изъ Неаполя.

— Октября 14-го. Вчерашніе слухи усиливаются. Правда, г. Бренье еще не выхалъ изъ Неаполя, и французскій флотъ стоитъ еще въ Тулонѣ, но французскому посланнику въ Неаполь отправлена новая нота, быть можетъ тотъ ультиматумъ, о которомъ такъ часто сообщали журналы. Такъ какъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, король Фердинандъ отказывается отъ всякихъ уступокъ, то можетъ случиться, что г. Бренье выѣдетъ изъ Неаполя.

— Въ *Constitutionnel* напечатана статья главнаго редактора, г. Сезеня, о занятіи дунайскихъ княжествъ австрійскими войсками. Статья эта, какъ говорятъ, имѣетъ полу-офіціальныя черты. Въ ней сказано, что дальнѣйшее пребываніе австрійскихъ войскъ въ княжествахъ было-бы формальнымъ нарушеніемъ парижскаго трактата и равносильно вооруженному вмешательству. Г. Сезеня напоминаетъ, что на парижскомъ конгрессѣ первый уполномоченный Австріи, графъ Буоль, объявилъ о намѣреніи своего правительства быстро очистить княжества, и окончить это очищеніе прежде чѣмъ союзныя арміи будутъ выведены изъ всѣхъ занятыхъ ими пунктовъ оттоманской имперіи. Въ заключеніе онъ выражаетъ надежду, что Австріицы сами поймутъ необходимость немедленно отозвать свои войска изъ княжествъ.

Вѣна, октября 13-го. Сегодня на биржѣ говорили, что баронъ Бренье — французскій посланникъ при неаполитанскомъ дворѣ, получилъ приказаніе выхалъ изъ Неаполя.

— Октября 14-го. Газета *Ostdeutsche Post* сообщаетъ сегодня, что посланники англійскій и французскій будутъ по всей вѣроятности отозваны изъ Неаполя, но что флоты по прежнему останутся у Мальты и въ Тулонѣ.

Константинополь, октября 8-го. Здѣсь обнаружено фирманъ о созваніи дивановъ въ дунайскихъ княжествахъ, но въ немъ вовсе не говорится о соединеніи этихъ двухъ областей подъ однимъ управленіемъ. Въ Константинополь ожидали министерскаго кризиса, и распространился слухъ, что Решидъ-паша будетъ великимъ визиремъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ТИФЛИССКІЙ ТЕАТРЪ.

Общее обозрѣніе.

«Театральныя фельетоны «Кавказа» становятся рѣже и рѣже; нищій ихъ какъ будто-бы устаетъ, даже сознается въ своей усталости, въ своей неохотѣ ходить въ театръ и давать отчетъ во всемъ, что тамъ играется». Такіе-то толки доходятъ до насъ съ одной стороны театральныя, читающей публики. Другая сторона говоритъ, что «Кавказъ» вѣдь не специальная же газета, чтобъ исключительно посвящать столбцы свои только театру; что труппа тифлисская такъ зѣло плоха, что о ней писать много не слѣдовало-бы; что уже и того, что до сихъ поръ сказано, черезъ-чуръ довольно. На чьей же сторонѣ правда?

По этому случаю я прошу, чтобы мнѣ позволили разсказать здѣсь одинъ, можетъ быть, уже и знакомый всѣмъ анекдотъ. Жилъ-былъ судья, — человекъ весьма уважаемый и семейный. Въ одинъ зимній холодный вечеръ сидѣлъ онъ у себя въ кабинетѣ, разсматривая дѣла и бумаги; докладываютъ ему, что какой-то проситель желаетъ съ нимъ говорить. Отчего-жъ не принять просителя? Судья соглашается, и проситель наконецъ входитъ. Его принимаютъ ласково. Ободренный истецъ излагаетъ краснорѣчиво и обстоятельно весь ходъ дѣла и всѣ случайности. Судья слушаетъ и упорно молчитъ. Проситель спѣшитъ подкрѣпить свое краснорѣчіе знаками самой существенной благодарности. «О, я васъ помянулъ, я теперь вижу всѣ обстоятельства, говоритъ судья ласково и вставая, чтобъ прекратить поскорѣе бесѣду. Вы правы; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія». И проситель уходитъ, довольный какъ нельзя болѣе. Черезъ полчаса опять говорятъ, что прїѣхалъ еще проситель; принимаютъ и этого. Таже исторія; точно такое-же красно-

рѣчіе и доводы... Но, по странному стеченію обстоятельствъ, этотъ второй проситель былъ не кто иной, какъ противникъ перваго. Судья его слушаетъ и упорно молчитъ. Проситель спѣшитъ подкрѣпить свое краснорѣчіе знаками самой существенной благодарности. «О, говоритъ судья, о, я васъ помянулъ теперь вполне. Это дѣло такъ ясно, какъ день; о чемъ же вамъ беспокоиться? Вы правы, вы совершенно правы!» Затѣмъ судья важно встаетъ и сироваживающе просителя. Жена судьи, женщина, какъ надо предполагать, очень добрая, которая тутъ же сидѣла молча, визала фуфайку и слышала весь этотъ разговоръ, не могла удержаться отъ восклицанія. «Что-й-то, отецъ мой! сказала она, — слушала, слушала я, да и ушами-то не вѣрю. Въ ушахъ-ли ты, батюшка! Нѣтъ, ужъ какъ хочешь, а это не хорошо. На что же ихъ обнадеживать, говорить имъ обонья, что они правы?» Судья выслушалъ молчаливо и снисходительно рѣчь жены, посмотрѣлъ на нее внимательно и отбѣдилъ ей самымъ рѣшительнымъ тономъ и лаконически: «И ты права!» сказалъ онъ, и сѣлъ заниматься бумагами.

Театральныя фельетоны «Кавказа» находятъ вынужденнымъ послѣдовать лаконическому отвѣту судьи и на предложенные ему вопросы отвѣчать, что они совершенно правы. Это, однакожъ, не безъ причинъ. Побесѣдуемъ же объ этихъ причинахъ.

Признаемся, насъ радуетъ это неутомимое рвеніе публики къ театральнымъ зрѣлищамъ; радуетъ еще болѣе возникающая потребность и здравыхъ о нихъ сужденій. Если «Кавказъ» наполняетъ столбцы свои театральными фельетонами, это не потому, чтобы онъ придавалъ много важности труппѣ, появившейся на подмосткахъ театра; съ этимъ бы можно раздѣляться въ два, три пріема. Тутъ рѣчь не о труппѣ, рѣчь объ искусствѣ, объ отношеніи его къ жизни; — всѣ эти болѣе цѣнные и существенные вопросы хотѣлось намъ развить не безъ пользы и для артистовъ и не безплодно для зрителей. Какой-же тутъ плодъ? скажутъ намъ тѣ, которые ходятъ въ театръ, чтобы убить время, не пригладившись къ его значенію. Иные глядятъ на театръ, какъ на ередство для поученія нравовъ, какъ на неправительственную полицію. И тѣ и другіе неправы. Театръ стоитъ выше; онъ составляетъ потребность общественной жизни, одно изъ необходимыхъ условий гражданственности. Онъ развиваетъ и довоспитываетъ, способствуетъ эстетическому образованію вкуса и поражаетъ пороки, выставляя смѣшную и грязную его сторону. Въ драмѣ онъ представляетъ картину страстей, показывая и низкія и высокія ихъ увлеченія; въ комедіи онъ говоритъ уму, въ оперѣ — чувству, въ балетѣ онъ учитъ граціи, гармонической музыкѣ позъ и движеній. Въ какой степени соответствуетъ составъ труппы, репертуара, всѣмъ этимъ потребностямъ? — это другой вопросъ, которымъ мы и хотимъ здѣсь заняться по-обстоятельству.

Нужно-ли скрывать, что во всѣхъ образованныхъ государствахъ театръ былъ предметомъ заботливости правительства? только лишь люди слѣпые и ограниченныя смотрѣли на него, какъ на пезначающую забаву. Люди высокаго ума, люди гениальные думали иначе. Петръ Великій любилъ театральныя зрѣлища, отдыхая среди гигантскихъ своихъ занятій. Наша литература тогда еще едва возникла, и Кантемиръ замѣнилъ намъ Мольера и Грибоедова. Екатерина II сама писала пасторалы и комедіи, и за нею всѣ наши Монархи заботились о развитіи русской сцены и поощряли таланты. Говорить ли о томъ, какое значеніе имѣлъ Шекспиръ въ Англіи, какъ цѣнила его Елисавета? Людовикъ XIV покровительствовалъ Мольеру, Наполеонъ — Тальмъ, Корнель, Расинъ, Гѣте, Шиллеръ — сколько великихъ именъ, понимавшихъ значеніе сцены и связь ея съ жизнью общенною, взаимное ихъ противодействие! Мы не описемъ, сказавши, что сила, которую называютъ общественнымъ мнѣніемъ, ежели не раждалась, то получила развитіе межъ стѣнами театра. Зритель тамъ нечувствительно привыкалъ расширять кругъ сужденій своихъ о сценическихъ представленіяхъ, и переносилъ ихъ на сцену обширнѣйшую, въ среду болѣе общую — въ сферу общественной жизни. Такимъ образомъ и писатель и актеръ, подвизаясь для сцены, становятся не пустыми шаерами, а членами полной общественной жизни и исполняютъ свою обязанность наравнѣ съ другими болѣе видными слугами государства. Люди прямые и благомыслящіе въ этомъ служеніи отведутъ также уголокъ и фельетонисту и критику, ежели они честно и добросовѣстно исполняютъ свой долгъ.

Съ этой точки зрѣнія составленіе труппы и выборъ репертуара получаютъ особое и не маленькое значеніе. Оттого-то всѣ образованныя правительства никогда не смотрѣли на нихъ, какъ на денежную, торговую спекуляцію и не доверялись промышленникамъ; во главѣ театральныя дирекціи становились люди и эстетически образованные и понимающіе ту высшую цѣль искусства, на которую мы неоднократно указывали. Конечно, не всегда и не вездѣ это такъ было. — Театры провинціальныя, лишенные средствъ и пособій, болѣею частью уклонялись отъ настоящей цѣли и впадали въ рутинное спекуляторство. Чистое наслажденіе искусствомъ

тамъ замѣняется очень не рѣдко артистами столь объемистаго размѣра, что ихъ нельзя развернуть, не толкнувши собою и не надѣлавши при томъ шума и безпокойства въ партеръ. Идеи, конечно, тутъ жертвуются расчету на привлеченіе большинства. — Чуть ли не при такихъ же условіяхъ составлялась наша тифлисская труппа и избранный ею репертуаръ.

Выборъ пьесъ безъ сомнѣнія зависитъ отъ средствъ, т. е. и отъ состава труппы и отъ аксессуарныхъ пособій. Декорации, музыка, бутафорская часть составляютъ конечно одно изъ необходимыхъ условій. Нашатифлисская сцена не можетъ пожаловаться на недостатокъ матеріальныхъ средствъ; была бы хорошая труппа — и выборъ репертуара не можетъ быть слишкомъ стѣсненъ. Остается вопросъ и вопросъ очень важный: о цѣли. Если главной цѣлю поставить развитіе эстетическаго начала, влияние на жизнь общественную, то все остальное должно быть ей строго подчинено. Тогда все пьесы не слишкомъ-то нравственныя, все эти сценическія диковинки должны быть удалены изъ репертуара. Впрочемъ, съ недавняго времени какъ-то вошло въ обычай и на столичныхъ сценахъ прибѣгать къ фокусамъ драматическаго искусства; все эти «Ложныя Каталани, Артисты, Водевиль съ переодѣваньемъ» и прочее были писаны съ этою цѣлю. Это однако же не достоинство, а упадокъ искусства. Въ музыкѣ издавна уже были въ употребленіи пьесы, такъ называемыя концертныя: въ нихъ сосредоточивались все трудности, все задачи для выполненія. Паганини игралъ на одной струнѣ; но зато это былъ Паганини — и только для первоклассныхъ артистовъ бывали возможны подобныя *tour de force*. Однако же ни Оманъ, ни Липинскій, эти современники и соперники Паганини на скрипкѣ, не прибѣгали къ подобнымъ выходкамъ; они были вѣрны классической школѣ Роде и не клали пятна меркантильно-изобрѣтательнаго фигуратизма на чистыя наслажденія музыкою; искусство у нихъ оставалось искусствомъ, безъ примѣси фокусовъ. Въ сценическихъ представленіяхъ подобныя выходы еще меньше имѣютъ смысла; къ нимъ можно прибѣгать только изрѣдка — и то понадѣвшись на талантъ.

За подобнаго рода пьесами слѣдуютъ все вообще пьески, написанныя или съ аффектаціею или съ претензіями на драматизмъ; вообще онѣ не правдоподобны и ложною стороною своей дѣйствуютъ весьма непріятно на зрителя, да едва ли подъ силу и первокласснымъ артистамъ, которые должны пересоздавать лице, вложить въ него жизнь и естественность, затуманенныя у автора или сантиментальностью или неестественностью. Остается весьма небольшой рядъ пьесъ болѣе натуральныхъ, веселыхъ, непритязательныхъ — и конечно, онѣ должны быть основой репертуара.

Кромѣ того, что подобнаго рода пьесы должны быть приурочены къ тѣмъ сюжетамъ, изъ коихъ состоитъ труппа, тутъ еще важно, чтобъ сохраненъ былъ ансамбль. Это одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ сцены. Признаемъ, что мы весьма рѣдко имъ наслаждались и на столичныхъ театрахъ. Это мастерство принадлежитъ у насъ почти исключительно иностраннымъ артистамъ. Кто видѣлъ французскую труппу, тотъ видѣлъ въ что совершенное въ этомъ родѣ. Пьеса рѣшительно сглаживалась; въ видѣи просто событіе, домашнее дѣло, живой примѣръ, или случай жизни; нѣтъ ни одной малѣйшей бездѣлицы, на которую бы не было обращено совершенно вниманіе; нѣтъ ни одной фальшивой позы, движенія, выходки — актеръ какъ дома. Мы весьма далеки отъ того, чтобы требовать отъ провинціальной труппы подобнаго совершенства; но здѣсь нельзя не замѣтить, что наша труппа и нашъ репертуаръ будто нарочно составлены, чтобы отстранить уже всякую мысль объ ансамблѣ, то есть о главномъ достоинствѣ и очарованіи сцены. Такихъ разнородныхъ сюжетовъ по росту, по голосу, по фizioноміямъ, по талантамъ — едва ли гдѣ можно еще найти; чуть-чуть затѣли дать пьесу лицъ изъ шести — диссонансъ уже слышенъ, ансамбля нѣтъ: то г. Ижорскому приходится играть человѣка хорошаго общества, то г-жа Михайлова должна выдти барыней, то г. Александровскій долженъ быть нѣженъ, влюбленъ... ужъ что нибудъ непременно случится такое, что артистъ не по роли, какъ его ни примѣривай. Прибавьте, что почему-то считаютъ у насъ необходимымъ давать постоянно пьесы свѣжія, всегда избѣгая повтореній. Точно, свѣжесть въ нихъ дѣлаетъ очень большое достоинство; но для хорошихъ пьесъ хорошо и повтореніе. Напрасно думаютъ, что тифлисская наша публика такъ неразвита, что ее только и можно привлечь новостью; это ошибка. Чтобы доказать наше утвержденіе, мы укажемъ спектакль 21 октября: не смотря на три новыхъ пьесы, театръ былъ пустъ. Если бы вмѣсто невѣрной новизны, о которой всегда какъ-то думается, что она будетъ плоха, дали что нибудъ дѣльное, уже видѣнное, извѣстное, публика бы пошла. Вообще мы хотѣли бы замѣтить, что не одинъ только антрепренеры, но и зрители также имѣютъ привычку къ расчету навѣрное.

Говоря объ ансамблѣ, мы не хотимъ сказать, чтобъ его у насъ вовсе не было; напротивъ, у насъ ихъ два: ансамбль отрицательный и ансамбль положительный. Первымъ мы называемъ тѣ случаи, когда актеры въ пьесѣ играютъ все совершенно дурно. Съ такимъ исключительнымъ совершенствомъ были сыграны «Гамлетъ Сидорычъ» и немало другихъ пьесъ. Подъ вторымъ названіемъ мы разумемъ такой ансамбль, въ которомъ все вообще играютъ согласно и хорошо. Первый является у насъ часто, какъ слѣдствіе грустной необходимости, второй — какъ случайность.

Къ числу такихъ, очень пріятныхъ, случайностей мы должны отнести пьесу: «Въ людяхъ ангель» — не жена, дома съ мужемъ «сатана», — пьесу, не смотря на уродливое, отызающееея балаганомъ, названіе, очень миленькую и не лишнюю смысла. Исполненіе ея у насъ здѣсь, въ Тифлиссѣ, благодаря г-жѣ Лещко и г. Швану, удалось какъ нельзя болѣе и все остальныя артисты играли такъ удовлетворительно, что тутъ вышелъ ансамбль. Эта пьеска давно уже держится въ русскомъ репертуарѣ, и не безъ основанія; въ ней рѣзко выставлена та сторона женскаго характера, когда самый простой капризъ развивается постепенно, растетъ и наконецъ переходитъ въ злость. Только странно, что эту слабую сторону вздумали приписать исключительно только женщинамъ; развѣ мало капризныхъ мужчинъ, злыхъ и сварливыхъ мужей?... Признаемъ, у насъ есть охота вступиться за нѣжный, прекрасный полъ; право, мы болѣе иногда виноваты и, ежели приглядѣться по-пристальнѣе, то и общественное устройство и ложное воспитаніе, и не мало еще другихъ причинъ съютой павелы въ области Гименея, вокругъ домашняго очага. Будь у меня талантъ, я ужъ такъ и быть, рискнулъ бы: рѣшился бы написать комедію, съ тѣмъ, чтобъ представить капризнаго, злога мужа. О! я изобразилъ бы ужаснаго, полосатаго тигра, во фракѣ или въ вицъ-мундирѣ, смотря по обстоятельствамъ, женатаго на хорошенькой двушкѣ; женатаго по расчету или просто изъ прихоти: есть же вѣдь люди, которые женятся, какъ говорятъ одинъ изъ знакомыхъ моихъ, — для шку. Для шку, — да! Собственныхъ-то достоинствъ нѣтъ, такъ вотъ, говорить, посмотрите-ка, господа, какая у меня прехорошенькая жена; просто прелесть! а у васъ нѣтъ такой, нѣтъ...

Право, есть люди, въ этихъ случаяхъ, очень похожіе на мальчишекъ, которые дразнятъ другъ друга игрушкою или конфеткою; для нихъ жена — развлеченіе, та же игрушка. Бѣдныя, бѣдныя женщины! Рѣшено: отнынѣ я дѣлаю вашимъ защитникомъ, поступаю въ присяжные адвокаты прекраснаго пола. Я не буду ни слова говорить ни о вашей суетности, ни о вашихъ капризахъ, ни о нѣкоторыхъ изъ вашихъ слабостей. Я даже не упомяну, что нѣрѣдко и вы выходите замужъ изъ прихоти, изъ желанія отомстить одному или нѣсколькимъ вашимъ обожателямъ, которые не имѣли догадки попросить вашей руки или, требуя ея, прозачески спрашивали о прилагательномъ... Но мало ли еще разныхъ причинъ, побуждающихъ выдти скорѣе замужъ при первомъ случаѣ, причинъ такихъ тонкихъ, неуловимыхъ для грубаго чувства мужчинъ, причинъ, о которыхъ, особенно въ фелетонахъ, упоминать не слѣдуетъ... и я не упомяну. У меня языкъ скромный, клянусь вамъ — и знаю, что эту скромность вы не оставите безъ награды. О, нѣтъ! вы мнѣ сипетете вѣнокъ — только, пожалуста, не изъ терній — да, вѣнокъ, ежели не изъ розъ, не изъ лавровъ, то вѣрно изъ незабудокъ и изъ калуфера.

Однако же я увлекся и бросилъ моего полосатаго тигра въ коюбъ. О, еслибъ я въ самомъ дѣлѣ смогъ написать комедію, я бы съ нимъ справился. Я бы изобразилъ его мягкимъ, приличнымъ, чокорнымъ, внимательнымъ, нѣжнымъ къ своей женѣ, но все это только «въ людяхъ»; а «дома» — о, дома это былъ бы тигръ, фурия, Немезида домашняго очага; дома онъ мучилъ бы жену подозрѣніями, требовалъ бы у ней отчета за всякій взглядъ, за всякое слово, преслѣдовалъ ее ревностію, терзалъ бы упреками, держалъ подъ замкомъ, спалъ бы укладывая косягами свою голову на ея колѣни, чтобъ она не ушла; не давалъ бы ей слова сказать съ родными, съ знакомыми — и потомъ упрекалъ бы ее, что она глупа, что она не умѣетъ ни отвѣчать на вопросы, ни поддерживать разговоръ; что она его этимъ срамить и компрометируетъ... Если бы бѣдная женщина стала плакать отъ этого, онъ упрекалъ бы ее за слезы; онъ говорилъ

ей, что онъ мученикъ, что она его истерзала своими жалобами, своими причудами — и надо ли чего не поговорилъ бы изобрѣтательный на подобныя вещи языкъ, чтобы обвинить и измучить несчастную женщину? Не правды, *mes dames*, если бы я могъ написать и поставить такую комедію, вы были бы очень довольны своимъ защитникомъ?.. вы бы мнѣ аплодировали?.. Но, взявшись писать комедію, я невольно бы долженъ былъ написать вамъ драму, — а я такъ боюсь драмъ. Мнѣ ихъ случилось видѣть на нашей тифлисской сценѣ и я былъ такъ напуганъ ихъ появленіемъ, что до сихъ поръ не могъ еще выговорить о нихъ ни слова.

Однако, попробуемъ.

И — рѣ II — въ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ зданіи театра, въ среднемъ ярусѣ, подъ № 19, вновь открытъ И. Маркосовымъ МАГАЗИНЪ ПОЛЬСКИХЪ СУКОНЪ, трико и драпъ новаго издѣлія, а именно: фиюръ, дубль-фасъ-имперіаль, дубль-фасъ-ратинѣ и прочихъ военныхъ и гражданскихъ вещей и мануфактурныхъ товаровъ. 2.

Мадамъ РУСЕЛЬ, возвратившись изъ Парижа, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что она перваго числа октября открыла магазинъ, въ которомъ будутъ продаваться: большой выборъ бѣлыя, дамскихъ и дѣтскихъ ботинокъ, перчатокъ, зимнихъ фланелей и модныхъ матерій для платьевъ, по сходнымъ цѣнамъ. Магазинъ помѣщается на Головинскомъ проспектѣ, въ домѣ Зубалова, противъ дома Арцруни. 3.

Дѣвица, Англичанка, преподающая уроки англійскаго, французскаго и италійскаго языковъ, также на арфѣ и фортепiano и вообще всего, что относится къ отличному воспитанію, желаетъ получить мѣсто гувернантки въ русскомъ семействѣ, съ жалованьемъ по 600 р. с. въ годъ. Адресоваться въ кр. Владикавказъ, къ дѣвицѣ Маріи Барсонъ. 3.

МОСКОВСІИ МАГАЗИНЪ СУКОНЪ

имѣетъ честь довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что въ ономъ на дняхъ полученъ большой выборъ суконъ, драпъ, трико, равно дамское сукно и прочіе товары, и продаются по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Магазинъ этотъ находится на Эриванской площади, въ домѣ Сараджева, рядомъ съ магазиномъ Саркисова. 3.

ЧАСОВОЙ МАГАЗИНЪ Г. Газера.

Г. Газеръ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что онъ помѣщается въ настоящее время въ домѣ тифлискаго гражданина Теръ-Асатурова, на Эриванской площади, противъ прежней его, Газера, квартиры и что жена его открыла въ этомъ же домѣ магазинъ новѣйшихъ парижскихъ модъ и принимаетъ разныя заказы какъ отъ господъ живущихъ въ Тифлиссѣ, такъ и отъ иногородныхъ. 3.

За отъѣздомъ продаются: четверка упряжныхъ лошадей и одинъ верховой, турецкой породы, жеребецъ. Упряжныя ходятъ въ дышло, оглобли, на пристяжкѣ и подъ верхъ. Спросить въ Кукахъ, на Елисаветинской улицѣ, въ домѣ Бейера. 3.

Въ англійскомъ магазинѣ Вильгельма Гюттиха продаются разныя мужскія платья, рубашки и галантерейныя вещи, съ большою уступкою противу прежнихъ цѣнъ. 6.

ПРИБЪХАЛИ: октября 24-го: изъ С.-петербурга надворный съвѣтникъ Барановскій, изъ Гори подпоручикъ Сьнова. 25-го изъ деревни Загарахъ полковникъ князь Орбелиани, изъ Кутаисъ поручикъ князь Церетели. 25-го: изъ Ставрополя генералъ-лейтенантъ Козловскій и полковникъ Забудской, съ Каменной Рѣчки полковникъ Стрелецкій, изъ С.-петербурга поручикъ Молотвовъ, изъ Москвы прапорщикъ Зубаловъ. 27-го: изъ Гори генералъ отъ инфантерій князь Эрстовъ, изъ Москвы подполковникъ князь Эрстовъ, изъ Ставрополя прапорщикъ Исакскій, изъ С.-петербурга прапорщикъ Лорисъ-Меликовъ.

ВЫБЪХАЛИ: октября 24-го: въ мѣстечко Поти капитанъ Сидоровичъ. 25-го: въ Кутаисъ полковникъ Иванцкій и прапорщикъ Ефимовскій. 26-го: въ Карабахъ штабсъ-капитанъ Годжаевъ. 27-го: въ Редутъ-Кале англійскій консулъ Аббатъ.

Тифлисскаго театра.

Въ воскресенье, 28-ю октября. ГИТАНА — балетъ. ЖЕНЫ НАШИ ПРОПАЛИ! — комедія-водевилъ. ВЗАИМНОЕ ОБУЧЕНІЕ — водевилъ. ЖИВЧИКЪ — водевилъ.

Метеорологическія наблюденія.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ °Р.		Сыръесть воздуха.	Барометръ при 13 1/2 °Р. Русс. полуш.и.	Направленіе вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реол.	
		Сухой.	Смоч.					Нави.	Наиб.
23-го октября.	7 утра.	+ 2,2	+ 4,9	0,94	577,74	В. оч. слаб.	Облачно.	+ 1,8	+ 7,1
	1 полз.	+ 6,6	+ 3,8	0,97	575,78	ЮВ. оч. слаб.	Обл. на гориз.		
	9 вечер.	+ 3,0	+ 2,0	0,80	575,44	С. оч. слаб.	— — —		
24-го октября.	7 утра.	- 0,2	- 0,6	0,92	575,34	СЗ. слаб.	Обл. на гориз.	- 0,5	+ 11,7
	1 полз.	+ 9,8	+ 5,8	0,47	574,41	З. слаб.	Обл. на гориз.		
	9 веч.	+ 4,0	+ 2,2	0,67	575,43	С. оч. слаб.	Ясно.		
25-го октября.	7 утра.	- 0,7	- 1,3	0,88	576,16	СЗ. оч. слаб.	Обл. на гориз.	- 1,0	+ 9,8
	1 полз.	+ 8,0	+ 5,2	0,59	575,65	СЗ. слаб.	Обл. вѣсти.		
	9 вечер.	+ 3,8	+ 2,4	0,74	574,66	С. оч. слаб.	Ясно.		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.